

ВАЛЕРИЙ
ДАЩЕВСКИЙ

ЧИСТАЯ
ВОДА

Валерий Дашевский

Чистая вода

«Accent Graphics communications»

1976

Дашевский В.

Чистая вода / В. Дашевский — «Accent Graphics communications»,
1976

Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя..." Вознесенский, Евтушенко, споры о главном, "..уберите Ленина с денег"! Середина 70-х годов, СССР. Столы заказов, очереди, дефицит, мясо на рынках, картошка там же, рыбные дни в столовых. Застой, культ Брежнева, канун вторжения в Афганистан, готовится третья волна интеллектуальной эмиграции. Валерий Дашевский рисует свою картину "страны, которую мы потеряли". Его герой – парень только что с институтской скамьи, сделавший свой выбор в духе героев Георгий Владимова ("Три минуты молчания") в пользу позиции жизненной состоятельности и пожелавший "делать дело", по-мужски, спокойно и без затей. Его девиз: цельность и целеустремленность. Попав по распределению в "осиное гнездо", на станцию горводопровода с обычными для того времени проблемами, он не бежит, а остается драться; тут и производственный конфликт и настоящая любовь, и личная драма мужчины, возмужавшего без отца... Книга проложила автору дорогу в большую литературу и предопределила судьбу, обычную для СССР его времени.

© Дашевский В., 1976

© Accent Graphics
communications, 1976

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Дашевский

Чистая вода

Книга выпущена благодаря помощи и содействию центра абсорбции новых репатриантов деятелей искусства и деятелей искусства вернувшихся из-за рубежа.

משרד העלייה והקליטה

בסיוע מרכז לקליטת אמנים עולים ותושבים חוזרים

Министерство абсорбции Израиля Центр абсорбции новых репатриантов деятелей искусства и деятелей искусства вернувшихся из-за рубежа.

Глава первая

Добираться в трест из центра города было непросто: я проехал в метро до вокзала, поднялся в зал ожидания, вышел на платформу № 1 и пошел по перрону, покуда он не кончился. Я миновал склад, на который официанты вагонов-ресторанов сдавали партии пустых бутылок после рейсов. На железнодорожных путях против входа в склад стояли четыре таких вагона. Ящики с бутылками были сложены в штабеля вдоль стены склада. Во всяком случае, так было, когда я впервые шел этой дорогой.

Обойдя склад, я спустился по въезду, предназначенному для грузовиков, и через распахнутые железные ворота вышел на улицу. И оказался прямо перед трестом – четырехэтажным зданием из белых и голубых панелей, с потеками от дождей, едва различимыми в сером сумраке утра, с широкими ярко освещенными окнами; бетонный забор ограждал внутренний двор треста с крохотной стоянкой для автомобилей, с фонтаном посередине выложенной плитой площадки.

Утро было холодное – обычное утро в начале ноября, когда снег еще не выпал и вместо снега пронизывающий ветер гонит по улице пыль, как поземку. Добрых четверть часа я простоял у обочины, спрятав руки в карманы и втянув голову в поднятый воротник плаща. Движение здесь было сумасшедшим: грузовики с ревом неслись мимо меня по дороге, и небо надо мной было темным и неподвижным, как вода в затоне. Я перешел на противоположную сторону дороги, вошел в трест и поднялся на второй этаж, в коридор, по обе стороны которого располагался десяток дверей, оклеенных бумагой, воспроизводивший узор древесины. Здесь, в коридоре, я достал из бокового кармана пиджака диплом и направление министерства, предлагавшее тресту Горводопровод использовать меня в качестве инженера.

В моем представлении каждый трест начинался с приемной, как театр – с вешалки, и о чем, о чем, а о здешней приемной я знал, пожалуй, все, что может знать человек, просидевший в ней два дня с восьми утра до пяти вечера. Я знал, что посередине приемной стоит темного дерева письменный стол таких размеров, что за ним с успехом разместились бы трое; рядом со столом книжный шкаф, битком набитый пронумерованными папками; вдоль стены напротив стола выставлены в ряд стулья с сиденьями, обтянутыми красной кожей, окно обращено на юг, и сквозь него в приемную льется неяркий свет осеннего дня, в котором клубится пыль, и телефоны на письменном столе звонят не переставая, роняя по приемной дребезжащие звонки, как шарики от пинг-понга. Такой я увидел приемную, впервые переступив порог.

За письменным столом сидит секретарь Валя, и на безымянном пальце Вали обручальное кольцо, потому что у нее есть муж – моряк торгового флота. Это одна из причин, побудивших Валу отказаться от свидания с Игорем Рамакаевым, то есть со мной.

Весь следующий день я смотрел, как, задумавшись, она высовывает кончик языка и машинально слизывает помаду. Или как, вскочив из-за стола, она поворачивается с такой стремительностью, что синяя юбка захлестывает колени, словно в танце. В остальное время ровный и звонкий голос обрабатывал собеседников по телефону, а глаза так же ровно и безучастно обрабатывали посетителей, меня и весь белый свет. Но красный огонь нет-нет, да разгорался в них, как в углях под слоем пепла. И кончик языка касался верхней губы, влажной, как мякоть абрикоса. Ее муж матрос. Что ж, все мы начинали с малого. Я начал с того, что спустился со ступеней института, держа в руках диплом, осторожно, как блюдо с водой, Я отворил дверь в приемную и снова увидел, как Валя проделала свой фокус; пастельно-розовые губы приоткрылись, и кончик языка тронул верхнюю губу, как ребенок трогает ямку в десне, в том месте, где вчера был зуб. Она повернулась – золотистые пряди упали по обе стороны лица, нажала клавишу на черном телефонном аппарате и сказала в трубку:

– Георгий Аршакович, к вам посетитель. Потом она снова нажала клавишу. – Аршакович, – сказала она. – Вот отчество, верно?

Я снял плащ и повесил его на вешалку у стены.

– У меня отчество – Халилович, – сказал я. – Игорь Халилович. Как думаешь, он возьмет меня на работу?

– Скажи ему, что ты Халилович, и твое дело в шляпе.

Я кивнул и вошел в кабинет управляющего – копию приемной: стены цвета кофе со сливками; мерно льющийся в широченные окна свет, делавший краски выцветшими, как на засвеченном фотоснимке; такой же темно-коричневый полированный письменный стол, за которым хватит места троим. Но с первого взгляда мне показалось, что кабинет управляющего величинной с хороший спортивный зал и от входной двери до стола по, меньшей мере, шагов тридцать. И, стало быть, в тридцати шагах от меня, в пиджаке букле, в розовой рубашке, расстегнутой на две пуговицы, с совершенно лысой головой сидел Георгий Аршакович Мироян, кандидат технических наук, управляющий трестом Горводопровод.

Какое-то мгновение он рассматривал меня так, будто собирался шить мне костюм. Потом гортанный, каркающий голос с сильным акцентом сказал:

– Подойди сюда. Сядь. Я тебя не съем. Там, в приемной, нет главного инженера? Такой маленький человек в очках.

– Нет, – ответил я.

Я подошел и сел по другую сторону письменного стола. Диплом и направление я держал в руках; едва я коснулся стула, Мироян перегнулся через стол – и бац! – диплом и направление уже лежали перед ним на столе. И то и другое он прочитал от надписей до подписей, шевеля губами так, будто разбирал по слогам.

– Значит, ты должен был прибыть к нам первого октября, – сказал он. – А сегодня четвертое ноября. Как октябрь иногда затягивается. А, Рамакаев?

– Я ездил домой, – сказал я.

– А если я все брошу и тоже уеду на месяц домой?

По виду Георгию Аршаковичу нельзя было дать и сорока. Лицо его было смуглым и бритым, и голос – резким, сварливым, каркающим. Глаза навывкате смотрели мне и середину груди, потому что уже видели по мне своего подчиненного. Но в ту минуту я еще не был его подчиненным. Я верой и правдой пять лет просиживал штаны в аудиториях и читальных залах, я конспектировал, учил и сдавал, мотался по сборам и стройотрядам, ползал с автоматом в жидкой грязи...

– Надеюсь, вы недурно проведете время, – сказал я.

Мироян вынул пачку сигарет, вытащил одну, прикурил от газовой зажигалки, откинулся на спинку кресла и выпустил первую затяжку. Голова его сидела на короткой и крепкой шее по-борцовски, с наклоном вперед. Розовая полотняная рубашка плотно облегла выпуклую широкую грудь.

Он смотрел на меня, не мигая.

– Так мы не скоро столкнемся, – сказал он из облака табачного дыма.

– Почему? – сказал я. – Два дня я провел у вас в приемной, ожидая, пока вы уделите мне минуту-другую. Если целый месяц вы ждали меня, как я вас, я готов перед вами извиниться.

– Месяц назад у меня нашлась бы для тебя работа, – сказал он задумчиво.

– Меня не было в городе, – сказал я.

– Чего же ты хочешь теперь?

– Меня к вам прислали по распределению, – сказал я. – Я хочу услышать, есть ли в вашем тресте работа по моей специальности. И если такой работы нет, дайте мне официальное письмо, чтобы я устроился в другом месте.

– И у тебя уже есть место, где тебя берут?

– Нет, – ответил я. – Пока нет.

– Понятно, – сказал Мироян. Сигарета дымилась у него в углу рта, и сигаретный дым стелился вдоль лица сизыми волокнами. Он помолчал. Потом сказал: – Я не стал бы удерживать тебя ни минуты, если бы не закон о молодых специалистах. Ты направлен ко мне. Что ж, я дам тебе место. Место, с которого можно начать. Я дам его тебе и посмотрю, на что ты способен, потому что там ты сумеешь себя показать, а я сумею на тебя посмотреть. Ты знаком с оборудованием насосных станций?

– В пределах институтской программы, – сказал я.

– Значит, сможешь отличить насос от задвижки. А в электрооборудовании насосных станций ты разбираешься?

– Относительно, – сказал я. – Все зависит от того, как сложно электрооборудование станции, о которой идет речь.

Он кивнул, и сигаретный пепел посыпался ему на пиджак.

– Она полностью автоматизирована, – сказал он. – Почти полностью. Для работы на этой станции нужно, чтобы инженер был и электриком в придачу.

– Тогда дайте мне другую работу, – сказал я.

– Другой работы нет, – ответил Мироян. И, глядя на меня сквозь табачный дым, усмехнулся: – Пока нет. Так как?

– Да, – сказал я.

Он повернулся ко мне вполоборота, нажал одну из клавиш селектора и, когда в динамике раздался короткий зуммер, спросил:

– Юлия Ивановна?

– Слушаю вас, Георгий Аршакович, – послышалось из динамика.

Звук был таким чистым, что возникло подозрение, не прячется ли Юлия Ивановна у него под столом.

– Какие штатные единицы свободны? – поинтересовался Мироян.

– На сто двадцать и на сто шестьдесят.

– Закройте на сто двадцать. К вам сейчас подойдет... – Он запнулся и заглянул в мое направление: —... товарищ Рамакаев. Оформите его в отдел водопровода начальником шестой насосной станции.

Он раздавил окурок в пепельнице и стряхнул пепел с пиджака.

– Это хорошая станция.

Глаза навывкате снова уставились в одну ему видимую точку у меня на груди.

– Хорошая станция, которая немного запущена. Так, самую малость. Но ты будешь там хозяином и приведешь ее в порядок. Можешь выписать в техотделе журналы, как это делаю я. У тебя будет достаточно средств, чтобы превратить ее в конфетку. Ступай к Юлии Ивановне. И, если успеешь, познакомься со своим начальником.

Я поднялся, взял диплом и направление и пошел к двери.

– Увидишь в приемной главного инженера – передай, пусть зайдет ко мне, – сказал Мироян у меня за спиной.

В отделе кадров Юлия Ивановна сказала:

– Вам понравился Георгий Аршакович? Нет, вы заметили, какой это тонкий и обаятельный человек?

– О, несомненно, – сказал я.

Она замолчала. Потом сказала:

– Если вы нуждаетесь в общежитии...

– Благодарю вас, я уже снял квартиру, – ответил я.

Она заполнила карточку, я расписался в двух местах, заплатил пятьдесят копеек за трудовую книжку, забрал паспорт и вышел в коридор.

Небо было серым и бесформенным, как намочшая вата. Некоторое время я разглядывал его в окно, потом закурил и, почувствовав странный привкус во рту, вспомнил, что еще не завтракал. Хорошо еще, что я вчера истратил сорок минут в парикмахерской, иначе муж Саша и жена Аня попросту не впустили бы меня на порог.

Искать квартиру в таком городе – дело непростое и, я бы сказал, кропотливое, особенно в это время года, накануне зимы. Три года назад я уже хлебнул того, что мне причиталось, с той лишь разницей, что тогда зима была в самом разгаре, а опытом в делах такого рода я не располагал. Расклеив объявления на фанерных щитах и фонарных столбах, я отправился на поиски, бесконечные, как степная дорога. Часов с шести вечера, когда снег на улицах превращался в грязное месиво, а фосфорически мерцавший неоновый свет фонарей и витрин выстилал тротуары мертвенно-голубыми пятнами, я брел по городу и останавливался возле домов с приглянувшимся мне фасадом. Отыскав первый подъезд, я поднимался на самый верх в чистеньком чешском лифте, а потом спускался вниз пешком, нажимая в строгом порядке кнопки звонков, будто проводил опрос общественного мнения.

«Скажите, вы сдаете квартиру?» – «Нет». – «А комнату или угол?» – «Нет. Я же сказала – нет». И очередная дверь захлопывалась, оставляя за собой выбеленный альфрейщиком потолок, на который посягали обои, зеленые, как ряска в пруду, и женщину в бигуди, и цеплявшегося за ее халат мальчишку, которому поближе к весне удалят аденоиды.

И я шел дальше, в ночь, подсвеченную изнутри городскими огнями.

Прошла неделя, я стал выбирать подъезды, по одному виду которых можно было с уверенностью сказать, что лифта в них нет, а вместо лифта – шарахающиеся тени, да едкая кошачья вонь, но результат был один, и, как я вижу задним числом, поиски квартиры таким манером могли бы затянуться по сей день, если бы не случай.

Случай вывел меня из затруднения в том, 1972 году, но это не значило, что случай представится и в 1975-м. Поэтому перед отъездом в военные лагеря я обошел районные военкоматы и оставил в третьем отделе каждого открытку с адресом матери, с просьбой отправить ее, если среди призванных офицеров окажется владелец изолированной квартиры, желающий сдать ее. Благодаря чему вчера я сидел в квартире № 79, помешивал ложечкой в стакане с остывшим чаем и поддерживал неторопливую беседу с Аней, Сашиной женой:

– После свадьбы Сашин товарищ попросил у нас на вечер ключи – правда, Саша? Он привел сюда знакомую девушку. В тот же вечер исчезли мои серьги. Девушка была очень симпатичная. Она сказала, что не видела их и Сашин товарищ сказал, что тоже ничего не брал. Серьги были золотые, с китайской бирюзой – правда, Саша? Вы не будете никого сюда приводить? Мы оставим вам мебель.

Стоя в коридоре у окна, в которое брезжил осенний пасмурный свет, и припоминая все это, я докурив сигарету. Плащ я оставил в приемной Мирояна, но перед уходом решил взглянуть на своего нового начальника.

Отдел артезианского водопровода я отыскал без труда. Я даже разыскал техотдел – тот самый, в каком мне надлежало запастись журналами и с их помощью переделать в конфетку насосную станцию № 6. Но я подумал, что дело терпит, и вошел в туалет – туалет и отдел, в котором мне предстояло работать, размещались друг против друга в конце коридора – я заглянул туда выпить глоток воды и пригладить волосы на макушке. Я как раз набрал воды в ладонь, когда в тихое журчание писсуаров вторгся целый рой посторонних звуков. На всякий случай я выглянул в коридор, и в тот же миг за дверью отдела кто-то крикнул «А!», потом еще раз «А?», потом «Какого же черта мне не сказали?!».

Я отворил дверь в отдел и вошел в приемную, разительно отличавшуюся от той, которую покинул. В ней только и было, что три письменных стола, покрытых облупившимся желтым лаком. За одним из них сидела пожилая секретарша, и, на мой взгляд, этой женщине самое время было затыкать уши. Потому что я открыл дверь с табличкой «Пахомов Олег Дмитриевич.

Начальник отдела водопровода», – и громыхающий, яростный речитатив хлынул в приемную, как вода сквозь взломанную плотину:

– Мне не сказали!.. Нет!.. Не нужен!.. Я сказал: «Не нужен!..» Он не нужен мне, а я не нужен вам!.. Вы не спросили и прислали его ко мне!.. Вы приняли его ко мне на работу, а я его в глаза не видел! Потому что вам не нужен начальник отдела, с которым вы не считаетесь.

Я достал платок, вытер руку и облокотился о дверной косяк. Олег Дмитриевич Пахомов стоял ко мне лицом, и я улыбнулся – внешностью и тембром голоса он до смешного походил на Винни-Пуха из мультфильма. Только смешного здесь было мало, потому что тучный человек в расстегнутом пиджаке глядел на меня блеклыми от ярости глазами и орал так, что Мироян наверняка слышал его этажом ниже без посредства телефона. Не знаю, что меня больше изумило: мощь его легких или то, что он принимает нарушение субординации так близко к сердцу.

– Так пусть этот специалист возвращается к вам, вы пришлите его ко мне, а я, если я вообще сочту нужным, пошлю его в отдел кадров! – крикнул Пахомов и швырнул телефонную трубку.

Я стоял в дверях кабинета, выдерживая его возмущенный взгляд. Он молча разглядывал меня, стоя у окна и вложив руки в карманы брюк, – тучный, большеголовый, коренастый, с коротким ежиком и тяжелым лицом. Я видел, как на лбу у него собираются капли. И под его взглядом я вдруг разом почувствовал, что не брит, что не спал ночь, и ощутил во рту такой привкус, будто отведал хозяйственного мыла.

– Здравствуйте, – сказал я. – Во-первых, я и есть этот молодой специалист. Во-вторых, я никуда не пойду и ниоткуда не вернусь. Я с места не двинусь. В-третьих, думаю, вы объясните, почему так огорчены моим назначением?

Олег Дмитриевич шумно перепел дух, отодвинул обитое черной кожей кресло и уселся за письменный стол.

– Потому что я должен доверить вам семнадцать человек штата и станцию, которая дает четверть подачи всего отдела, – сказал он нехотя.

– Сколько же у вас всего станций? – спросил я.

– Двадцать восемь. Не у меня, у города.

– Вот как, – сказал я.

– Да, – сказал Пахомов. – Именно так.

– Выходит, не будь я молодым специалистом и начни с вас, вы не приняли бы меня на работу начальником станции?

– Разумеется, нет, – сказал Пахомов.

– Знаете, я, пожалуй, сяду, – сказал я ему.

Я обошел стол для совещаний, пододвинул себе стул и сел.

– Так вы считаете, что я не подхожу для этой работы. Но почему?

– По всем статьям.

– Вы не могли бы выразиться яснее?

– Послушайте, – он вынул из нагрудного кармана пиджака карандаш и постучал им по крышке стола. – Прежде всего, вы не электрик. У вас, насколько мне известно, диплом сантехника. Это не главное, можно переучиться. На шестой станции за последние два года сменилось несколько начальников. Мне нужен туда человек, скажем, на десять лет. Вы не будете там работать.

– Десять лет? – переспросил я. – Вам не кажется, что дать обещание на десять лет вперед, по меньшей мере, опрометчиво?

– Вот-вот. – Он постучал карандашом по столу. – В том-то и дело.

– Ловко, – сказал я и почувствовал, что кровь приливает у меня к лицу. И я подумал: «Поспокойнее. Один бог знает, сколько тебе с ним работать». И тут же услышал свой голос так, будто он шел со стороны: – Так вот за чем остановка – чтобы я пообещал проработать

у вас десять лет? Но я еще не узнал, есть ли у вас премии. Что, если сто двадцать рублей мне маловато? Я не спросил, какой у вас рабочий день. Что, если он ненормированный? А как обстоит дело с жильем? Вдруг у вас ждут квартиру до седых волос? Но я промолчал и на этот счет. Зато с места в карьер я должен обещать работать у вас до пенсии. Это можно пересказывать как анекдот, вы не находите?

Я поднялся и пошел к двери.

– Одну минуту! – сказал Пахомов. Я обернулся. Он засмеялся и снова постучал карандашом по крышке стола.

Я прислонился к дверному косяку.

– Премия у вас двадцать пять процентов – стук! Если перевыполните план – стук! Рабочий день ненормированный – стук! Очередь на квартиру – двести шестнадцать человек – стук!

– Я оставляю заявление секретарю, – сказал я, – могу приступить к работе с завтрашнего дня. Если надумаю уволиться, дам знать.

Я вышел из кабинета и затворил за собой дверь.

Следующий день выдался более спокойным. Я даже изловчился позавтракать в столовой возле гостиницы и около девяти утра прибыл в трест – с полным желудком и с легким сердцем. Погода стояла – лучше не придумаешь, вот только солнца не было. И в тресте было подозрительно тихо, как в институте, когда все разъехались на каникулы. Даже у Олега Дмитриевича вид был спокойный, доброжелательный и умиротворенный. Когда я заглянул к нему в кабинет, он сказал:

– Присаживайся. Уже побывал на станции?

Я ответил, что нет.

– А ты хоть знаешь, где твоя станция находится?

– Нет, – сказал я.

– Неплохо для начала. – Он усмехнулся. – Через полчаса поедешь на станцию с Верой Ивановной. Она все покажет и расскажет. А пока возьми лист бумаги и записывай. Ремонтные работы на станции выполняет трест Донецк-Харьков Водстрой. Бепром, т. Гордиенко и т. Артеменко. Они должны ремонтировать здание станции. Оно у тебя в аварийном состоянии.

Генподрядчик..... трест Южспецстрой т. Пономарев.

СУ-614 т. Формаго

СУ-624 т. Масема... строительство резервуара для сбора воды.

PCY-2 т. Кузуб ночное время.

– Уловил?

Я уловил и ответил, что, кажется, да.

– Здание станции с тобой делят PCY-1 нашего треста, Дзержинский участок службы сети, мастерские PCY, склад PCY. Но PCY к Новому году оттуда уберется. Главное – план, он у тебя двадцать две тысячи кубометров в сутки. Соответственно шестьсот шестьдесят тысяч в месяц. Имей в виду, до тебя станция перевыполняла этот план. Ты меня слушаешь?

Я смотрел в окно, на индустриальный пейзаж, окутанный утренней дымкой.

– Да, – сказал я, – слушаю.

– В твоём штате семнадцать человек: десять машинисток, четверо истопников, два дворника, уборщица и постовой – он тоже подчиняется тебе.

– А? – сказал я.

– Говорю, постовой милиционер. Он круглосуточно дежурит на станции.

– Когда же он спит?

– Они меняются.

– Ясно, – сказал я.

– Ни при каких обстоятельствах на станции не должно быть посторонних. Я повторяю: ни при каких!

– Ясно, – повторил я.

– Так приступай, раз тебе все ясно, – неожиданно рассердился Пахомов.

Спустя четверть часа в кабинет вошла Вера Ивановна. Она вывела меня в коридор и пошла рядом – рослая немолодая женщина с мужской походкой.

– Были на станции?

Я ответил, что нет.

– Хорошая станция, – сказала Вера Ивановна. На ходу она сделала вращательное движение головой, будто ее душил воротник. – Малость запущенная, но работает как часы. Там очень грамотные машинисты.

– Это хорошо, – сказал я и подумал: малость запущенная. От кого я это слышал?

– Если у вас нет других дел, можем поехать на станцию, – предложила Вера Ивановна.

И внезапно я почувствовал жгучее нетерпение, словно от того, увижу ли я станцию часом раньше или часом позже, у меня по меньшей мере зависел год жизни.

– Давайте поедem в такси, – предложил я.

Вера Ивановна отказалась, но я видел, что мысль проехаться в такси явно пришлась ей по вкусу. Мы вышли из треста и остановились у обочины дороги. Здесь я рассмотрел Веру Ивановну получше. Лицо ее было одутловатым и вполне заурядным, золотистые волосы – темными у корней. Одета она была по-зимнему и в ожидании такси поворачивалась всем телом.

– Вера Ивановна, – обратился я к ней, – если я правильно понял, большинство машинистов на станции – женщины?

Вера Ивановна засмеялась, поправила локон, выбившийся из-под шляпки, потом посмотрела на меня и засмеялась снова. Ей было под пятьдесят, хотя она и выглядела несколько моложе.

– Все как одна! – сказала Вера Ивановна. – И самой молоденькой сорок девять. Теплая компания, а?

– Вы шутите, – сказал я.

– И не думала. Из них на пенсии уже шестеро.

«На тебе», – подумал я.

– Не горюй, – посоветовала Вера Ивановна. – Поработаешь года два, наберешь себе молоденьких.

– Да нет, мне, собственно, не к спеху, – ответил я.

В такси я получил от Веры Ивановны первые производственные наставления: – Главное – поставь себя. Не вздумай ни с кем пить. Поменьше шути, а то они мигом сядут тебе на голову. О себе вообще не рассказывай. И если вздумают помыкать тобой – всыпь им! Поддай им жару, не то возьмут тебя в оборот. Гляди, они бабы с перцем.

– А я, по-вашему, с перцем?

Она посмотрела на меня. Потом сказала:

– По-моему, да. Хотя кто знает.

Мы переехали через мост возле коммунального рынка и миновали серый забор из железобетонных плит.

– Ч-черт! – сказала Вера Ивановна. – Проехали!

Мы вышли из машины, возвратились к мосту и пошли по берегу реки, поросшему желтой травой. Вода в реке была неподвижной и темной, на противоположном берегу, там, где плакучие ивы свешивались к самой поверхности, горели, отражаясь в воде, костры. Выше над ними стояли несколько автобусов со снятыми колесами и листами фанеры вместо стекол. По другую сторону от нас тянулся забор – серые железобетонные плиты, поставленные друг на друга в два ряда. Потом они кончились, мы свернули во двор, и я остановился как вкопанный.

– Вот, – сказала Вера Ивановна, – это и есть станция.

– Где? – спросил я.

Глава вторая

Я шел, ступая по ровным прямоугольникам света, льющемся из витрин, мимо магазинов, аптек, ателье, парикмахерских и киосков, в которых днем можно было купить сигареты, мыло, рафинад в пачках, конверты, зубную щетку и леденцы в пакетиках, мимо несметных окон, призывно светившихся в темноте, мимо реклам, что крутились и вертелись и мигали в черном небе, мимо освещенных изнутри телефонных кабин. Мимо семафоров, указателей, памятных знаков, перекрестков, ограждений и афиш – мимо всего, что мы понастроили и где изловчились пустить ток, чтобы обосноваться здесь навсегда – среди пыли, заводской копоти и бензинового угара.

Сюда, на эти улицы, я вышел впервые семь с лишним лет назад, только тогда август был на исходе, и все цвело, и в темноте парка реяли огоньки сигарет. Прошло три года, мне пришлось выбирать. И я снова остался здесь смотреть, как машины мчат по мокрым улицам, проливая на дорогу жидкий свет задних огней. Да, я не пожелал обрести очередной отчий кров, я послушался мать. И, упорствуя, поправил ее представление обо мне. Сказать по правде, мне осточертели переезды. Осточертело «садиться на дорожку». Осточертело, облокотившись о борт грузовика, смотреть, как выносят из подъезда нашу мебель. Я отказался обосноваться с ней и с ее мужем в Москве, в квартире на Юго-Западе, где над головами двенадцатиэтажных домов облака скользят по бескрайней синеве, как паруса по водной глади. И вопреки ее желанию я отнес документы не в Московский университет, а в здешний инженерностроительный институт.

Согрешив таким образом, я наложил на себя епитимью: поселился в общежитии, в комнате, в которой, кроме меня, жило шестеро парней, и наотрез отказался от денег, которые она продолжала высылать на первых порах. В течение первого года она приезжала дважды, очевидно, желая убедиться, в полном ли я уме, если отсылаю переводы ей обратно и через день ночую в задней комнате кафе «Лето», которое сторожу за восемьдесят рублей в месяц, вместо того, чтобы набираться гуманитарных знаний на факультете журналистики в МГУ.

Увидев впервые нашу комнату – консервные банки с окурками, пепел и хлебные крошки на полу и на крышке стола, груды ватмана, старый магнитофон в углу, а на стене постер с Томми Коно рядом с фотографией Катрин Денев, словом, увидев все это, мать молча остановилась на пороге, потом усмехнулась и отбросила волосы со лба.

Год спустя и нашей комнате воцарились чистота и порядок армейской казармы, потому что мы научились жить самостоятельно. Мы научились стирать и гладить, чтить и готовить, чертить по ночам и с двадцатью копейками в кармане чувствовать себя кумом королю. И я считал, что практическое умение такого рода ничуть не хуже гуманитарных знаний, которыми факультет журналистики МГУ наделяет человека.

Но в тот день, когда мать впервые увидела нашу комнату, она и бровью не повела. Другим мамашам самый ее вид поражал воображение, как хорошая модернистская картина. Полчаса спустя мы вышли с ней на улицу, и она то и дело смотрела на меня так, будто увидела впервые. А я стоял перед ней с непокрытой головой, хотя дело происходило поздней осенью, в расстегнутой кожаной куртке, изрядно потершейся на швах, в черном свитере под горло и в расклешенных брюках с широким, на три пуговицы, поясом, по тогдашней моде. И ветер гнал по улице пыль и опавшие кленовые листья.

– Послушай, – сказала она, не глядя на меня, – почему ты возвращаешь мне деньги? Ты мог бы одеться поприличнее. Ты...

– Оставь, – сказал я. – Я ни в чем не нуждаюсь. Я получаю стипендию, и у меня есть работа. Мне этих денег за глаза хватает.

– Да, – протяжно произнесла она. – Но эта комната... И то, что ты называешь работой, это...

– В следующий раз дай телеграмму, когда надумаешь меня навестить, – сказал я.

– Мы уберем к твоему приезду.

– Я не об этом, – сказала она. – Как я жила в твои годы, ты знаешь.

И, взяв меня под руку, повела рядом с собой. Каблочки ее дробно стучали по мерзлому тротуару. Она шла, немного наклоняясь вперед, – тридцатисемилетняя женщина с чудесными волосами, когда-то поразившими воображение Халила Рамакаева, с безупречной лепкой лица и столь безукоризненной фигурой, что котиковая шубка значила для нее не больше, чем оправа для камня чистой воды.

– Я хотела тебе сказать... – снова заговорила она, продолжая размеренно отстукивать каблочками, – Андрей мог бы поговорить кое с кем во ВГИКе... Он может подготовить тебя, скажем, на киноведческий факультет, и со временем... Раз ты так не хочешь в журналисты... И, если ты откажешься, то есть, я хочу сказать, передумаешь...

– Я не передумаю, – сказал я. – Оставь это. Мне ничего не нужно ни от Андрея, ни от тебя.

– Но ведь не может быть, чтобы это было твоим настоящим призванием! – сказала она с неожиданной силой.

– Я не знаю, в чем мое настоящее призвание. Может, Андрей знает? Или ты знаешь?

– Игорь, ты ведь любишь меня? – спросила мать. Она остановилась, заставив остановиться и меня. И я увидел слезы у нее на глазах.

– Да, – ответил я. – Да, конечно. Брось, мама. И не нужно высылать мне деньги, прошу тебя.

Но пришло время, и я пожалел о сказанном мной в тот день. Я пожалел об этом, когда на мое место сторожа определили мужа буфетчицы Нины. Я жалел об этом, когда по вечерам ворочал ящики во дворе кондитерской фабрики «Ударник». И когда разносил телеграммы с почтового отделения № 2, я тоже жалел об этом, но тогда, возвратившись в общежитие, я увидел, что стол завален развернутыми пакетами и Сашка Крапивный, схватившись за голову, крикнул мне, смеясь:

– Мать честная, Рама, сколько же твоя маман понавезла тебе жратвы!

И в груди у меня сделалось тепло. Потому что в тот день я мало что знал о будущем – не больше, чем знает каждый из нас.

А в будущем я стоял на ковровой дорожке во Дворце бракосочетания рука об руку с девушкой с осиной талией и широко открытыми глазами, вдыхал густой, жаркий воздух и потел, а женщина-фотограф говорила: «Повернитесь еще немного. Станьте к невесте поближе. Вот так. Так. Так» – И вспышки блица ослепляли меня, а после, спускаясь по лестнице, я споткнулся, и букет цветов в хрустящей целлофановой обертке выскользнул у меня из рук и покатился вниз по ступеням.

Полгода спустя я шел сквозь снег, сквозь ступки сумерек, мешавшихся с неоновым светом витрин и фонарей, по хляби, что хлюпала и хлюпала под ногами, взбирался на верхние этажи подъездов и звонил, выслушивал очередное: «Нет. Я не сдаю ни квартиру, ни комнату» и смотрел на очередную захлопнувшуюся дверь, покуда парень с перешибленной переносицей, который тогда еще не был для меня Борькой, заслонил собой дверной проем и, оглядев меня, сказал: «Входи».

Еще через полгода летним вечером мы сидели на веранде гостиничного бара с Вадиком и Валерой Вележевым – Борька учился с ними до третьего курса. Вадик взял со стола бутылку с пивом и отхлебнул порядочный глоток, потом сказал:

– Наверно, эта актриса живет дай бог?

Валера Вележев ответил:

– Нет.

Вадик спросил:

– Тогда какого черта он не возвращается?

И Валера ответил:

– Не знаю. Я спросил его, когда он думает вернуться в город, и знаешь, что он сказал?

Говорит: «Провалиться ему, вашему городу!»

– Ясно, – сказал Вадик. Он еще раз отхлебнул пива и поставил пустую бутылку на стол. – Там ведь издательства, – оказал он, – киностудия и все, что ему надо. Я так понимаю, эта актриса нужна ему, чтобы там продержаться, прожить. Как московская прописка, верно? Ну так я ставлю свою стипендию против стакана ситро, что Боря будет здесь еще до Нового года. Будешь спорить, Рама?

– Нет, – сказал я.

Я стоял во дворе и смотрел на следы от множества шин у себя под ногами – застывшую рифленую грязь. Я увидел груды кирпича у ворот, кирпичное крошево и красную пыль, сваленные в отдалении оконные рамы, и белье на веревке, и серые сараи – ветхие и унылые, над которыми годами трудились ветер, и шашель, и дождь; я увидел перевернутый грузовик, немо открывший взгляду свои ржавые потроха; увидел проржавевшие бульдозеры, экскаваторы и колесные тракторы, выстроившиеся за грузовиком громоздкой вереницей, завершавшейся горой песка; увидел оранжерею, стеклянная крыша которой источала пыльный блеск, и возле нее – три раскрошившихся фундамента, и на их камни уже посягала трава. И все это плыло в сером клочковато-туманном мареве, как в воде с растворенным в ней крахмалом. Вера Ивановна сказала:

– Обожду в станции.

Ее шаги отдалились и смолкли, я двинулся вперед, отступая сперва в грязи, потом в песке, покуда ноги сами не принесли меня к задней стене двухэтажного дома, разделенной основательной трещиной, проложившей себе путь от крыши до нижнего угла. Вокруг не было ни души, и, глядя на эту трещину, я ощутил прилив такой ошеломляющей ярости, что у меня зазвенело в ушах и сердце переместилось в затылок, сокращаясь там и посылая гулкие удары, и беззвучный ясный голос кричал внутри меня: «Да, я опоздал на месяц, но он не смел, не смел меня сюда посылать!»

Это было моим настоящим.

Я сидел на скамейке Центрального парка, накурившись до одури, так, что от привкуса табака вязало рот. Кругом, в темноте, в холодном безветрии разреженного звездного света слышались голоса и гул машин, и приглушенный женский смех в противоположном конце аллеи. Я слышал извечную песню города – медленную песню ночи, и внутри меня тот же голос твердил: «Рама, если ты надумал сматываться, сейчас самое время уносить ноги!»

Это было всерьез: уносить ноги. Как раньше было: кончу институт и найду работу, настоящую, по мне. Задаток за квартиру, уплаченный мной, был единственным препятствием сестры в поезд, который помчит меня на северо-запад. Или на северо-восток. Там я работал в стройотрядах, там инженеры ценились на вес золота, там нам говорили: «Возвращайтесь, ребята!» – и кое-кто вернулся туда. И, наверное, не сидел сейчас на лавке и не раздумывал над тем, как влип.

И – странное дело, – подумав об этом всерьез, я внезапно ощутил необъяснимое волнение, как бы меня на этой самой скамейке снимали для кино. Или как если бы двадцать миллионов пар глаз смотрели из душного сумрака кинотеатров, как я сижу на этой самой скамейке, поднимаю руку, щелкаю пальцами, и окурочку, кувыркаясь, летит в темноту, а голос за кадром пересказывает мои мысли. Ощущение было не из приятных. И я подумал, что не вернусь я на станцию, это надолго останется со мной, покуда не сотрется в памяти. Возможно, очень

надолго. Я посидел еще немного, потом поднялся со скамейки, вышел из парка и пошел в гостиницу укладывать вещи. Как-никак, я снял квартиру, и завтра мне предстоял переезд.

Глава третья

Ночь миновала. Я вновь очутился в своих владениях – перед грудой кирпича, высившейся над красной пылью и красным кирпичным крошевом у распахнутых настежь железных ворот, перед одноэтажным жилым домом, обитатели которого сняли белье с веревки, перед ветхими и серыми сараями.

И так же, как вчера, за сараями маячили нагромождения насквозь проржавевшего металлического хлама, сохранившего облик колесных тракторов, бульдозеров, экскаваторов и грузовиков, и безвозвратно утративших сумму качеств, определявших их первоначальное назначение. И так же крыша оранжереи роняла пыльные отблески, так же рыхлое серо-сизое клочковато-туманное редееющее марево колыхалось над всем этим, как пар или как туман над полем.

Про себя я отметил, что воспринял эту картину стойко. А еще я отметил, что мое спокойствие вытекает из самой природы вещей. Если человек не противится моменту, он адаптируется.

Я обошел жилой дом и направился к зданию станции, на ходу пообещав себе, что если и уйду с этой работы, то только тогда, когда человеку, вздумавшему посетить станцию, не придется стоять перед индустриальным хаосом, утопающим в жидкой грязи, а подведет его к дверям станции звонкая, вторящая шагам асфальтовая дорожка. Он, этот человек, войдет в чистый и светлый машинный зал, там четыре насоса, установленные на бетонных фундаментах, выкрашены голубой краской. Там, в косых потоках света, льющемся в широченные окна, краски кажутся блеклыми, как на выцветшей акварели, там грузные женщины в синих халатах движутся медленно, как сомнамбулы, там сутки напролет насосы № 1 и 4 гудят мерно, неспешно и неустанно. Там, в углу машинного зала, разбита клумба, сплошь усаженная кактусами – в некотором роде гордостью станции. Кактусы пока что крошечные и пыльные, но начальник оранжереи треста т. Котлова В. П., рекомендовавшая кактусы в качестве декоративных растений, скрашивающих интерьер, т. Рамакаеву И. Х., уверяет, что кактусы вырастут до двухметровой высоты, потому что это сорт, произрастающий в Мексике. Именно эти кактусы высятся по обочинам мексиканских дорог. Бывший начальник станции т. Рамакаев И. Х. время от времени заглядывает на станцию, но кактусы растут чертовски медленно. И все же он надеется дожить до того времени, когда кактусы напомнят ему мексиканскую дорогу. Вслушиваться в неспешное, неустанное гудение насосов и разглядывать пыльные кактусы, что тянут и тянут воду из земли и не прибавляют в росте, он будет в обществе постового милиционера. Да, постовой будет стоять рядом с этим человеком, посмеиваться и ждать, покуда он уберется восвояси, потому что он есть постороннее лицо.

Но в тот день я не был посторонним лицом. И в машинном зале ни клумбы, ни кактусов еще не было и в помине. Была только Клавдия Тихоновна Бородина, машинист третьего разряда. Она шла за мной по машинному залу, трогала меня за рукав и, перекрикивая пение насосов, вопила:

– Игорь Алилуевич, вы, смотрите не обижайте нас...

Таким манером мы прошли через машинный зал.

После чего я снова осмотрел подсобные помещения (длинный, обитый жестью стол, плита, рукомойник), раздевалку (два ряда фанерных шкафчиков с отверстиями в каждой дверце), хлораторную (те же шкафчики, баллоны с жидким хлором, шеренга резиновых сапог у стены), «высокую сторону» (громоздкие шкафы из частой проволочной сетки, уходившие под самый потолок с понижающими трансформаторами внутри и десятком счетчиков снаружи, желтые резиновые боты, резиновые перчатки, резиновые коврики на железном полу, схема электрооборудования в застекленной рамке на стене), мое собственное рабочее место (поме-

щение, отгороженное от машинного зала стеной, а внутри шкаф с конденсаторами, шкаф с расходомерами, шкаф с амперметрами и вольтметрами, письменный стол, радиола на подставке, стол машинистов, полка со справочниками, четыре стула, скрепленных металлическим каркасом, как в кинотеатре средней руки). Я сел за письменный стол. Клавдия Тихоновна опустилась на скамейку у стены. Она разглядывала меня, как женщины рассматривают в универмаге вещи, которые им не по карману.

– Игорь Алилуевич, вы, извиняюсь, узбек?

– Нет, – сказал я. – Я татарин.

– То-то я и смотрю, – сказала Клавдия Тихоновна, – уж больно черные вы... – И засмушалась.

Я вынул из кармана сигареты, закурил, откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

В чем заключается работа станции? Я отворил скрипучую дверь, переступил порог чердака памяти, включил фонарик и осторожно двинулся вперед, стараясь не измазаться в пыли. «На территории станции расположены четыре скважины, – сказала вчера Вера Ивановна. – Скважины под номерами 92, 93, 94, 95. Скважина № 95 стоит в резерве». Что же такое скважина? Я осветил фонариком.

На различной глубине от поверхности земли залегают водоносные пласты. Скважины, естественно, бурят, чтобы добраться до этих пластов. В колодец, который и есть скважина, опускают обсадную трубу, чтобы укрепить стенки. В трубу опускают следующую – поменьше диаметром – и в ней установлен насос.

Придет время, он начнет крутиться, как положено насосу, и вода поднимется на поверхность; мы можем увидеть ее своими глазами и попробовать на вкус. Труба, о которой идет речь, соединена оголовком с двумя другими трубами, и на каждой из них по задвижке, чтобы мы могли подавать воду, скажем, кирпичному заводу. Или сбросить ее в реку, если результат анализа оставляет желать лучшего. Нет худа без добра, и, сбрасывая воду в реку, мы можем установить на конце сбросной трубы водомер и определить, сколько воды в кубических метрах даст данная скважина в час. Это и будет дебит скважины.

– Клавдия Тихоновна, на станции имеется таблица дебита скважин? – спросил я машинистку.

И получил ответ: да, имеется. Лежит на вашем столе под стеклом. Под стеклом я обнаружил пожелтевший прямоугольник бумаги, из которого следовало, что 6 апреля 1975 года т. Кармелюк А. П. произвела замер дебита скважин. Ниже шли результаты замера:

Скв. № 92 – 284 м³/ч;

Скв. № 93 – 260 м³/ч;

Скв. № 94–320 м³/ч;

Скв. № 95 – 235 м³/ч;

Скв. № 50–74 м³/ч;

Скв. № 170 – 57 м³/ч;

Скв. № 172 – 90 м³/ч;

Скв. № 192 – 63 м³/ч.

– Все ли скважины работают? – спросил я.

И получил ответ:

– Все, кроме № 95 и № 170. У последнего номера сломан переключатель ввода, Игорь Алилуевич.

– Я не Игорь Алилуевич. Я Игорь Халилович, – сказал я.

И вспомнил Валю – сильно и нежно очерченные губы, кончик языка, трогавший их осторожно, как ямку в десне, глаза, безразлично обрабатывающие посетителей, меня, весь белый

свет, и в которых нет-нет, да вспыхивал огонь, как в углях под слоем пепла. Потом лицо ее всколыхнулось и унеслось прочь, как листок, выпавший из пальцев и подхваченный осенним ветром. Осталась только Клавдия Тихоновна, прикрывавшая ладонью запухший рот в тщетном усилии подавить зевоту, да отчетливо слышимый сквозь стену мерный рокот насосов. Да муха, чудом выжившая в темном углу и бившаяся теперь о стекло окна, стремясь наружу – к концу своих мыканий и мотаний.

Итак, в чем же заключается работа станции?

Разумеется, в подаче воды. «Куда?» – поинтересовался я вчера. И Вера Ивановна ответила: «В район Госпрома и в район Ивановки». Стало быть, на сорокаметровой глубине под землей насосы крутились, и вертелись, и пыхтели, поднимая воду наверх, а за стеной парочка других насосов, выкрашенных краской небесной голубизны, тоже пыхтела, вертелась и крутилась, денно и ночью загоня под давлением воду в железные трубы диаметром тысяча двести миллиметров, чтобы утром она хлынула из кранов, из душевых распылителей, из промывных и остужающих желобов, из отверстий и шлангов.

Но фокус в том, что с семи до восьми утра, когда заспанные мамы готовят завтрак, отцы бреются впопыхах, а дети моют носы перед тем, как повесить ранец за спину, воды уходит несравненно больше, чем, скажем, в час ночи, когда лишь одержимый бессонницей и раскаянием какой-нибудь малый вроде меня нацедит до краев банку из-под сметаны, заменяющую ему стакан, и станет пить гулками глотками, попеременно поджимая босые ноги, потому что пол и кухне холодный, как лед. Следовательно, план станции находится в прямой зависимости от того, в котором часу рабочие сбросят спецовки и встанут под душ и бабушки примутся за мытье тарелок после обеда. Более того, имеется точный график, в соответствии с которым можно высчитать по численности населения, сколько воды и в котором часу потребуется городу. И станция разгонит по трубам воду, вытолкнутую насосами с сорокаметровой глубины, как кровь по жилам. Или за неимением лучшего места сбросит воду в реку среди ночи, тем самым не дав ей высохнуть до размеров лесного ручья.

Вооружившись карандашом и листом бумаги, вырванным из блокнота, я произвел некоторые арифметические выкладки, из которых следовало, что:

– если данные весеннего замера дебита верные, то скважины в общей сложности дают 1091 кубометр воды ежечасно;

– если план станции – 2200 кубометров в сутки, то 900 с лишним кубометров подачи обеспечат его перевыполнение.

«Отлично!» – сказал я себе. Но тут пришлось отложить карандаш и познакомиться с машинистом второго разряда Татьяной Гавриловной Коломиец, шестидесятилетней особой с одутловатым, нездоровым лицом, оканчивавшимся двойным подбородком, с расплывшимся телом, распиравшим ношеное пальто, с короткими, отечными, расставленными врозь ногами, на которых под чулками телесного цвета выступали бугорки варикозных вен. Татьяна Гавриловна ловила ртом воздух, грудь ее от одышки вздымалась и опадала, сырые руки с короткими пальцами прижимали к животу пакет с картошкой и пучками укропа.

– Вы не подскажите, сколько воды подала станция за последний час? – спросил я у нее.

– Клава, посмотри по журналу, – сказала Татьяна Гавриловна.

И, показав мне широкую, стянутую пальто спину, скрылась в дверях.

Итак, оставалось выяснить, сколько воды подает станция в настоящее время. А там можно будет приступить к переделке станции в конфетку. Можно убрать с глаз долой проклятый ржавый хлам, сровнять сараи с землей, спланировать территорию, разбить газоны, посадить ели, засыпать гравием дорожки и оштукатурить фасад здания.

– Так что же, Клавдия Тихоновна? – спросил я.

– Сто сорок два куба, Игорь... Халилович, – произнесла женщина, помедлив, будто пробуя мое отчество на язык.

– Да-да, – сказал я. – Это, наверное, в сторону Госпрома сто сорок два, а я хочу знать, сколько всего воды подала станция?

– Я же вам говорю: сто сорок два куба.

– Не может быть! – крикнул я.

– Зря кричите, Игорь Халилович. Если не доверяете, сами взгляните. А кричать не надо.

– Да я верю! – крикнул я. – Но поймите, это значит – что-то не в порядке!

– А все не в порядке, – сказала Клавдия Тихоновна неожиданно равнодушно.

Я вытащил сигарету и закурил. Потом я вспомнил слова Веры Ивановны, что станция работает как часы, и поперхнулся табачным дымом. В последующие пятнадцать минут я выяснил, что на скважине № 94 авария и вода, переполнившая трехметровую цементированную чашу, еще месяц назад затопила всю левую часть территории станции до самого забора автобазы. Что на скважине № 93 авария и вода, поступающая неизвестно откуда, образовала вокруг скважины некое подобие озера. Что возле оранжереи прорван водопровод и вода вытекает из-под кучи песка, как теплый источник из-под снега. Что расходомеры, отмечающие воду, подаваемую станцией, стоят или в лучшем случае насчитывают четверть запланированной подачи. Что в тысячедвухсотмиллиметровой трубе свищи и в подвале, непосредственно под стулом, на котором я сижу, по колено воды.

Все это напоминало странный вымысел. Клавдия Тихоновна говорила не торопясь, роняя слова в томительные паузы так, словно беседовала с товаркой на завалинке почты ранехонько утром, когда солнце только начинает припекать.

– А Вера Ивановна, она что, не знала обо всем этом? – спросил я.

– Да знала, – сказала Клавдия Тихоновна.

– И Пахомов тоже знал?

– Да знал, – сказала Клавдия Тихоновна.

– Но если Пахомов и курсе дела, а Вера Ивановна все это время числилась начальником станции, как же ее не потянули к ответу? Станция три месяца не выполняла план, и ей это сошло с рук?

– А кто вам сказал, что плана нету? План есть, вы ошибаетесь, Игорь Халилович. – Клавдия Тихоновна поджала губы.

– Знаете, мы с вами не скоро пойдем друг друга, – сказал я.

Но я и тут ошибся. Еще пятнадцать минут – и я уразумел, что в данном случае показания расходомеров значат не больше, чем сведения об удоях молока для организации нефтяной разведки. Потому что, раз вода «текет» – а не теки она, где бы мы были? – то плановый отдел проставляет воду по этому – как его? – дебиту. А сколько ее «текет всамделе», знает только бог на небе!

Итак, по дебиту воде полагалось течь, и она текла – шумела и журчала, и мы перевыполнили план. В опрятной комнате планового отдела женщина с величественной сединой насчитывала станции 1091 кубометр подачи каждый час, потому что на сорокаметровой глубине насосы продолжали пыхтеть и отдуваться, и это было фактом; машинист Коломиец, возвращаясь с базара, сообщила коллективу о последних колебаниях рыночных цен на фрукты и битую птицу; Вера Ивановна – начальник станции № 11 и начальник станции № 6 одновременно, а заодно и профорг отдела – совершала челночные рейсы между станцией № 11 и трестом, иногда меняя курс, чтобы завернуть на станцию № 6 и удостовериться, что вода еще не окончательно иссякла в станционных пороховницах. И все это крутилось, вертелось и шло как по маслу.

– Но есть еще абонентный отдел, Клавдия Тихоновна, – сказал я. – Может, даже в вашем тресте есть. Есть группа народного контроля – она в конце концов заинтересуется, где ваша вода и откуда у вас премии за перевыполнение плана. Что вы намерены отвечать?

– А что отвечать? Я человек маленький, – вздохнула Клавдия Тихоновна.

– Но премии брали как большая. В хлораторной найдутся сапоги сорок второго размера? – спросил я.

Спустя полчаса я стоял над скважиной № 94, глядел, как вода течет и течет, переливаясь через край люка, растекается по крохотной асфальтированной площадке и исчезает в жухлых камышах. Камыши росли настолько плотно, что, казалось, между ними и пальца не просунуть. Постовой Витя сказал, что дикие утки прилетают сюда зимовать, и я не знал, верить ему или нет. Потому что, хлюпая сапогами, я обошел камыши, и за ними черная вода стояла неподвижно, как в половодье.

На скважине № 93 не было камышей; две трубы поднимались над огромной лужею, в которой отражалось неяркое солнце осеннего дня. Я стоял возле них, прислушиваясь к шуму воды в их телах, глядел, как оседает коричневая муть, поднятая там, где я ступал, и чувствовал, как вода сквозь сапоги холодит мне ноги.

Напоследок я спустился в подвал, где каждый всплеск гулко отдавался в сырых камнях кладки, где черные спины труб выступали из черной воды, а редкие лампы отражались в воде дробными желтыми кляксами.

Я выбрался из подвала, снял плащ и пиджак, закатал рукава рубашки, вернулся в подвал и погрузил руки в черную, как нефть, воду, заведя их ладонями кверху под тысячадвухсотмиллиметровую трубу, будто ловил бычков под камнями. Отыскав два свища в самом конце трубы, я выпрямился и перевел дух. И от души пожалел, что не могу запустить руки по локоть в оба расходомера, чтобы выяснить, почему, черт их побери, они не желают вести учет нашей воде. Капли срывались с потолка и плюхались в воду с правильными промежутками. И отзвук был как в колодце, когда звук восходит с самого дна.

Татьяна Гавриловна Коломиец подошла ко мне, когда я вылез из подвала и сел на фундамент насоса № 2, чтобы стащить сапоги. Сегодня пятое ноября, и в без четверти пять, сказала она, мне надлежит явиться на собрание сотрудников отдела артезианского водопровода, на котором станции вручат переходящее знамя за перевыполнение квартального плана. Смысл сказанного дошел до меня не сразу – поначалу я вслушивался в ее слова не больше, чем вслушивался бы в бормотание громкоговорителя у соседей за стеной. Серые глазки смотрели на меня в полумраке машинного зала; машинистка ждала ответа, чтобы, услышав его, возвратиться к себе в подсобку, к картошке, что жарится на электроплитке и разбрызгивает вокруг капли кипящего масла. «А в самом деле, почему бы мне не пойти на собрание? – подумал я. – Почему я с первого дня должен восстановить против себя людей, с которыми буду работать?»

Сапоги оказались тесными, и, прежде чем надеть туфли, я помассировал пальцы ног. И тут, видно, голос Халила Рамакаева заговорил во мне, голос человека, с упрямством тупицы не желавшего изменить себе и своему мотоциклу класса пятьсот кубических – или сколько их там у него было? – сантиметров, голос отца, мчавшегося вниз головой в бензиновой гари под охи и ахи деревенских девчонок Клязьмы, Калуги и Нижнего Тагила, голос, подобно хриплой песне трубы, будивший во мне дух противоречия и упорства. Да, тут Татьяне Гавриловне пришлось услышать, что у меня на уме.

– Скажите Пахомову, чтобы меня не ждал, – сказал я. – Скажите, что на вашей станции ему нужен не инженер-электрик, а майор Карацупа с собакой Ингусом. Скажите, что, когда другая станция действительно – вы слышите? – действительно перевыполнит план, я приду, чтобы передать им знамя. Так ему и передайте. Понимаете?

Я нагнулся и принялся зашнуровывать туфли.

Глава четвертая

На следующий день я перебрался из гостиницы на квартиру и провозился полдня, раскладывая вещи в шкафу и в ванной комнате по своему усмотрению. Бачок в туалете барахлил, однако я быстро вправил ему мозги. Потом я сбежал в аптеку, купил хвойный экстракт в брикетах и искупался в полной горячей воды ванне. Потом я включил хозяйский магнитофон, улегся поперек их семейной кровати с борцовский ковер величиной и битый час слушал, как негритянские голоса донимали господ бога на вес лады и в таком ритме, что вся квартира ходила ходуном. Кончилось тем, что соседи сделали мне замечание, так как после отбытия Саши в вооруженные силы настроились жить без джаз-рока. Я выключил магнитофон и решил было пообедать, но в холодильнике было пусто. Тут я вспомнил, что сегодня шестое ноября, вытряхнул из сумки оставшиеся рубашки и со всех ног помчался в гастроном. В гастрономе было полно народу, а очередь за шампанским была такая, что я чуть не достоялся до закрытия. Но все же купил бутылку, потому что разве это праздник без шампанского? Сумка стала такой тяжелой, что я еле втащил ее к себе на пятый этаж. Дома я отрезал кусок мяса, отбил его пустой банкой и пожарил отбивную с картошкой – за все лишения в прошлом и в будущем. Потом я вымыл посуду и подсчитал, сумею ли я на оставшиеся деньги протянуть до двадцатого числа. Результат получился удовлетворительным, я с радостью убедился, что мне не придется курить «Памир» и есть хлеб с кислой капустой, как в студенческие достославные времена. Я поставил чайник на огонь, извлек на свет божий содержимое белого кухонного шкафчика, чтобы посмотреть, какими кастрюлями я располагаю. Что говорить, Аня, жена Саши, оказалась на высоте – она оставила мне тигель для кофе, дуршлаг, щипцы для сахара, кофемолку, скороварку, сковородку и чертову уйму необходимых вещей. Это было похоже на чудесный сон, когда знаешь, что тебя не разбудят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.